

ВИТАЛИЙ ВУЛЬФ
СЕРАФИМА ЧЕБОТАРЬ

СИЛЬНЫЕ
ЖЕНЩИНЫ

ОТ КНЯГИНИ ОЛЬГИ
ДО МАРГАРЕТ ТЭТЧЕР

Виталий Яковлевич Вульф
Серафима Александровна Чеботарь
Сильные женщины. От княгини
Ольги до Маргарет Тэтчер
Серия «Роковые женщины»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6444427

*Сильные женщины. От княгини Ольги до Маргарет Тэтчер / Виталий
Вульф, Серафима Чеботарь: Якуза : Эксмо; Москва; 2013
ISBN 978-5-699-65605-9*

Аннотация

«Железные леди» – говорят о таких женщинах, как Маргарет Тэтчер, которые собственным примером опровергли миф о «слабом поле». Ведь британский премьер не одинока – в этой книге перед вами пройдет целая плеяда нестигаемых женщин, превосходивших мужчин не только умом, талантом и красотой, но и силой воли, твердостью характера, величием духа. От легендарной княгини Ольги, Жанны д'Арк, Елизаветы Тюдор, Екатерины Великой и королевы Виктории до Эвиты Перон, Индиры Ганди, Голды Меир, Раисы Горбачевой и Маргарет Тэтчер; от Елены Блаватской, Зинаиды Гиппиус, Анны Ахматовой, Елены Рерих и

Лени Рифеншталь до Фаины Раневской, Фриды Кало, Эдит Пиаф и Мадонны – эти СИЛЬНЫЕ ЖЕНЩИНЫ правили великими державами и меняли ход истории, стали «суперзвездами» и властительницами дум, не ломались под ударами судьбы и вели за собой миллионы мужчин.

Вот только за грандиозные успехи и всемирную славу, за право войти в учебники истории и обессмертить свое имя всегда приходится расплачиваться личным счастьем. И даже самые сильные женщины тоже плачут...

Содержание

Княгиня Ольга	7
Жанна д'Арк	20
Елизавета Тюдор	34
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Виталий Вульф, Серафима Чеботарь Сильные женщины. От княгини Ольги до Маргарет Тэтчер

Во внутреннем оформлении использованы фотографии:
Cinetext / Legion-Media;

Allstar / Cinetext / Legion-Media;

Николай Свищов-Паола (фоторепродукция Р. Попов-кин)/ РИА Новости;

Игорь Виноградов, Юрий Сомов, М. Ганкин, Рыков / РИА Новости;

Jerzy Dabrowski / DPA / Фото ИТАР-ТАСС;

Архивный фонд Фото ИТАР-ТАСС;

Heritage Images / DIOMEDIA;

A. Louis Goldman / Science Source / DIOMEDIA;

Fritz Henle / Science Source / DIOMEDIA;

KEYSTONE Pictures USA / ZUMAPRESS.com / Legion-Media

© Чеботарь С., 2013

© ООО «Издательство «Яуза», 2013

© ООО «Издательство «Эксмо», 2013

© ООО «Текстура-пресс», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Княгиня Ольга

Святая княгиня

Нет в русской истории женщины более уважаемой и более прославляемой, чем святая княгиня Ольга. Хотя все историки отмечают, что среди ее деяний были и излишняя жестокость, и обман, и вероломство, она, тем не менее, считается одним из достойнейших правителей земли Русской. А с тех пор, как княгиня была причислена к лику святых, почитание ее будет вечным – пока жив русский народ и христианская церковь.

Нет в русской истории женщины более уважаемой и более прославляемой, чем святая княгиня Ольга. Хотя все историки отмечают, что среди ее деяний были и излишняя жесто-

кость, и обман, и вероломство, она, тем не менее, считается одним из достойнейших правителей земли Русской. А с тех пор, как княгиня была причислена к лику святых, почитание ее будет вечным – пока жив русский народ и христианская церковь.

О ее происхождении нам неизвестно почти ничего: многочисленные летописи расходятся во мнениях, и установить правду теперь, спустя тысячу лет, почти невозможно. Одни хроники называют Ольгу нормандкой, другие – дочерью болгарского царя. Повесть временных лет рассказывает, что Ольга была родом из-под Пскова, из деревни Выбуты, а Типографская летопись упоминает, что Ольга происходила из рода Гостомысла, легендарного новгородского старейшины, и от рождения звалась Прекрасой. Некоторые же исследователи считают, что Ольга была дочерью прославленного Вещего Олега – соратника Рюрика и воспитателя его сына Игоря.

Сторонники этой версии полагают, что Олег женил Игоря на своей дочери, дабы передать им великое княжение. Однако житие святой Ольги придерживается версии псковского происхождения будущей княгини. Существует легенда о первой встрече Ольги и Игоря: тот охотился в псковских лесах, и в один прекрасный момент дорогу ему преградила река. Он подзвал проплывающего мимо на лодке юношу и попросил перевезти его на другой берег, но потом увидел, что лодкой правит не юный отрок, как он поначалу решил,

а прекрасная девушка. Красота ее немедленно разожгла в князе огонь желания – но когда тот попытался овладеть девушкой, та решительно ответила: «Зачем смущаешь меня, княже, нескромными словами? Пусть я молода и незнатна, и одна здесь, но знай: лучше для меня броситься в реку, чем стерпеть поругание». Устыдившийся Игорь прекратил свои домогательства и щедро одарил перевозчицу, но его так впечатлили и слова красавицы, и ее облик, что когда ему пришла пора жениться, он велел разыскать ее и привезти в Киев, где немедленно обвенчался с нею.

Ни дата свадьбы, ни обстоятельства ее в современных летописях не указаны – все легенды более позднего происхождения. Можно лишь догадываться, что Игорь и Ольга жили в любви и согласии, под крылом князя Олега, щедро делившегося с ними государственной мудростью. По утверждению Иоакимовской летописи, Игорь, хотя и имел, по тогдашнему обычаю, несколько жен, более всех любил и уважал именно Ольгу; прочие же утверждают, что из любви к прекрасной княгине Игорь больше не брал себе жены.

Возможно, секрет их семейного счастья заключался в том, что супруги поделили сферы влияния: пока Игорь был в военных походах – а воевал он немало – и его домом, и государством управляла Ольга, действуя мудро, справедливо и рачительно.

Летом 941 года Игорь ходил на Царьград, как тогда называли на Руси Константинополь, а через год у Ольги родил-

ся сын, названный Святославом. Однако Игорь недолго радовался сыну: в 945 году Игорь погиб.

Согласно летописям, осенью его дружина потребовала увеличить выплачиваемое ей содержание, и Игорь отправился за данью в Искоростень, к древлянам: собрав больше, чем обычно, он, однако, не удовлетворился полученным. На полпути он отпустил основную дружину домой, а сам с малым войском вернулся к древлянам и потребовал еще. По словам Повести временных лет, «Древляне же, услышав, что идет снова, держали совет с князем своим Малом: «Если повадится волк к овцам, то вынесет все стадо, пока не убьют его; так и этот: если не убьем его, то всех нас погубит». По преданию, жадного князя привязали к верушкам двух деревьев, которые разорвали Игоря надвое.

Древляне похоронили Игоря, а к его вдове отправили посольство, предложившее ей выйти замуж за их князя Мала. Сейчас подобное предложение – выйти замуж за убийцу собственного мужа – выглядит невероятным, но в те времена оно было в обычае: убивший, особенно в поединке, не только мог претендовать на власть и имущество побежденного, но и брал на себя обязанности покойного, в том числе по отношению к его вдове и детям.

Однако Ольга, истинная наследница варяга Олега, не пожелала подобной участи: она жестоко и коварно отомстила древлянам. Первое посольство она приняла с почетом – и надоумила послов потребовать, чтобы к княжьему терему их

наутро принесли на руках прямо в их ладье. Всю ночь перед теремом рыли глубокую яму – и когда послов принесли, как те и просили, посуху в ладье, то сбросили ладью в яму. По словам летописи, «Ольга посмотрела на них из терема и спросила: «Довольны ли честью?»» А они закричали: «Ох. Хуже нам Игoreвой смерти». После чего яму забросали землей, заживо похоронив послов.

Коварная Ольга попросила древлян снова прислать ей посольство – но и оно было уничтожено: пока послы мылись в бане, готовясь к встрече с княгиней, двери бани заложили, а саму баню подожгли.

После этого Ольга с малой дружиной прибыла к Искоростеню, чтобы по обычаю справить тризну на могиле супруга. Во время погребального пира древлян по ее приказу напоили допьяна, а после перебили. Потом дружина осадила сам город: Ольга пообещала жителям, что снимет осаду, если ей вынесут по голубю и воробью с каждого двора – а когда ей доставили птиц, велела привязать к каждой по горящему углу и выпустить на волю. Птицы будто бы вернулись в свои гнезда, и город сгорел. Жителей же частично перебили, частично взяли в рабство, а выживших обложили данью.

Трудно сказать, чем была вызвана столь жестокая расправа: горевала ли Ольга об убитом муже, столь горячо любимом, что за его смерть было мало простой мести, или она, как истинная правительница, просто не могла допустить, чтобы восстание подданных осталось безнаказанным. Возмож-

но, она лишь действовала так, как учил ее Олег – уничтожать врагов до последнего, дабы некому было мстить. Как бы то ни было, первое же деяние Ольги в качестве единоличной правительницы Киева показало, что она будет править не по-женски твердо и решительно. В ее житии сказано: «Управляла княгиня Ольга подвластными ей областями Русской земли не как женщина, но как сильный и разумный муж, твердо держа в своих руках власть и мужественно обороняясь от врагов».

Памятуя о судьбе своего мужа, погибшего из-за собственной жадности, Ольга повелела раз и навсегда упорядочить размер собираемой дани. Для этого она объездила свое княжество и, изучив его, установила систему «погостов» (от слова «гость» – купец): административных округов, во главе которых были поставлены управители-тиуны. Тиуны собирали подати, согласно установленным княгиней нормам, и после отправляли ее к княжескому двору – так началось централизованное налогообложение. Позже по погостам стали строить храмы, и со временем понятия церковного прихода и погоста столь слились, что слово «погост» стало означать прицерковное кладбище.

Две трети собранного Ольга отдавала в распоряжение Киевского вече, а треть оставляла на княжеские нужды – в основном эти средства шли на строительство и военные расходы. При Ольге были установлены первые границы с укрепленными богатырскими заставами, строились и обрастали

стенами города, развивалось каменное строительство: в Киеве при Ольге были выстроены богато украшенный дворец на Вышгороде, то есть на Старокиевской горе, за городом – терем, на торговой площади – круглая башня, которая могла сохранить от пожаров и нашествий городскую казну. Мощная держава, в которую превратила свои владения Ольга, привлекала внимание иностранных торговцев: в Киев привозили свои товары немцы, датчане, шведы, греки и многие другие.

Со временем Ольга задумалась об укреплении авторитета ее страны перед великими соседскими державами, в первую очередь перед Византией. Если раньше для Византии Русь была тем местом, откуда приходили с набегами князья, то Ольга решилась доказать царьградским василевсам, что ее княжество достойно встать в один ряд с любым государством мира. Как отмечают жития, в это же время она, мучимая душевными терзаниями о смысле своей жизни, все чаще стала прислушиваться к проповедям христианских священников, наезжавших в Киев с греческими купцами. Возможно, и интерес к христианской религии, помимо политических вопросов, заставил Ольгу отправиться с посольством в Константинополь.

Считается, что около 957 года Ольга во главе большого – более ста человек – посольства прибыла в Царьград, где намеревалась заключить с императором торговые и военные договоры, а также сосватать своему подрастающему

сыну жену из императорского дома. После долгого – по всей видимости, весьма оскорбительного для гордой княгини – ожидания ее с почетом принял император Константин. Все договора были заключены, однако о браке царевны с русским князем Константин говорить наотрез отказался: слишком незнатным был потомок Рюрика для василевсов из Царьграда.

Зато, по преданию, сам император воспылал страстью к русской княгине: он будто бы даже посватался к ней, очарованный ее красотой и мудростью. Ольга, со свойственным ей умом, отвечала: «Я язычница, ты же христианин, негоже нам вступать в брак. Если хочешь крестить меня, то крести меня сам, – иначе не крещусь». Ольга приняла крещение – таинство совершил над нею сам патриарх Феофилакт, а император Константин стал ее восприемником от купели. В крещении Ольга получила имя Елены – в честь святой равноапостольной императрицы Елены, матери святого Константина, которая обрела крест господень. Согласно летописям, после обряда патриарх сказал: «Благословенна ты в женах русских, ибо оставила тьму и возлюбила Свет. Благословят тебя русские люди во всех грядущих поколениях, от внуков и правнуков до отдаленнейших потомков твоих». Она же склонила голову и стояла, словно губа напаяемая, внимая учению, и, поклонившись Патриарху, промолвила: «Молитвами твоими, владыко, да сохранена буду от сетей вражеских».

Император снова предложил Ольге вступить в брак – од-

нако та ответила: «Как ты хочешь взять меня, когда сам крестил меня и назвал дочерью. А у христиан не разрешается это, – ты сам знаешь». И ответил император: «Перехитрила ты меня, Ольга».

Скорее всего, это лишь легенда: император Константин был женат, да и Ольга была уже в довольно преклонных летах. Скорее всего, она приняла крещение, потому что сама искренне хотела стать христианкой, и это решение не было ни спонтанным, ни принятым ради каких-то целей, а глубоко продуманным и выстраданным.

По некоторым данным, во время визита в Константинополь в свите Ольги был христианский священник, из чего можно сделать вывод, что она уже была крещена. Хотя, возможно, священник сопровождал греков-христиан из свиты княгини.

Несмотря на оказанные почести и принятое от самого патриарха святое крещение, исходом посольства Ольга осталась недовольна. Об этом свидетельствует ответ, который Ольга дала византийским послам, прибывшим в Киев просить обещанную по договору военную помощь: «Если ты так же постоишь у меня в Почайне, как я в Суду, то тогда дам тебе воев в помощь». Возможно именно поэтому священников для Киева Ольга, желавшая нести свет христианской веры своим подданным, решила просить не в Царьграде, а в Германии. В те времена различия между западной и восточной ветвями христианской церкви еще не привели к окончательному их

разрыву, и христианскую миссию в Киеве возглавил епископ Либуций из Майнца.

Обретя новую веру, Ольга со страстью и упорством взялась за обращение своих земель. Она строила храмы – при ней были основаны церкви Святителя Николая и Святой Софии в Киеве, Благовещения Пресвятой Богородицы в Витебске, Святой Живоначальной Троицы – во Пскове. Этот храм Ольга возвела после видения, которое было ниспослано ей на берегу реки Великой: три светоносных луча с неба, символизовавшие святую Троицу.

Только родной сын Ольги князь Святослав отказывался принимать христианскую веру, как ни уговаривала его мать: по свидетельству летописцев, он сам был не прочь, но боялся, что его «засмеет» собственная дружина, поклонявшаяся по древнему воинскому обычаю Перуну – ссориться же с дружиной князь, почти постоянно с кем-то воевавший, позволить себе не мог. Но ежели кто сам решал креститься, то князь не препятствовал этому, хотя и позволял себе, по словам летописи, «насмехаться».

Он уже давно вошел в возраст и правил самостоятельно, однако большую часть времени Святослав проводил в походах. Как говорит Повесть временных лет, «Когда Святослав вырос и возмужал, стал он собирать много воинов храбрых, и быстрым был, словно пардус, и много воевал». В его отсутствие княжеством по-прежнему управляла Ольга, а когда сын возвращался – проводила время за рукоделием и воспи-

танием внуков. У Святослава было трое сыновей, из которых, по словам летописей, Ольга больше всего любила младшего, незаконного Владимира – будущего великого князя, крестителя Руси. Семена веры заронила в нем бабушка – княгиня Ольга. В 968 году, покуда Святослав был в военном походе, на Киев напали печенеги: они окружили город, в котором находились Ольга с малолетними княжичами. Княгиня руководила обороной города, что было весьма нелегко – почти все воины ушли вместе со Святославом. Лишь чудом удалось известить Святослава: «Ты князь, ищешь чужой земли и о ней заботишься, а свою землю покинул. А нас чуть было не взяли печенеги, и мать твою, и детей твоих. Если не придешь и не защитишь нас, то захватят нас. Неужели не жаль тебе своей отчины, старой матери и детей своих?» Бросив все, Святослав помчался на выручку родному городу и снял осаду с Киева, жители которого уже начинали изнемогать от голода. Едва освободив город, князь стал собираться в новый поход – однако Ольга сказала: «Видишь, я больна. Куда хочешь уйти от меня? Когда похоронишь меня, отправляйся куда захочешь».

Через несколько дней княгиня Ольга скончалась – согласно летописи, это произошло 11 июля 969 года. Согласно своей последней воле, Ольга была похоронена без тризны, по христианскому обряду. Позже ее внук, князь Владимир, повелел перенести ее мощи в построенную им Десятинную Успенскую церковь. Мощи были упокоены в каменном сар-

кофаге, и через окошко в крышке можно было наблюдать ее нетленное тело. Причем, по свидетельству летописцев, истинно верующим было видно не только лицо святой княгини, но и изливающееся от него сияние: «Иже с верою придет, отворится оконце, и видит честное тело лежаще цело и дивится чуду таковому – толико лет в гробе лежаще телу неразрушившемуся. Достойно похвалы всякой тело то честное: в гробе цело, яко спя, почивает». Неверующие же видели просто каменный саркофаг.

В Повести временных лет о княгине Ольге сказано: «Была она предвозвестницей христианской земле, как денница перед солнцем, как заря перед рассветом. Она ведь сияла, как луна в ночи; так и она светила среди язычников, как жемчуг в грязи; были тогда люди загрязнены грехами, не омыты святым крещением». Княгиня Ольга чтится христианской церковью как равноапостольная – подобной чести, кроме нее, удостоены лишь четыре женщины за всю историю христианства. Память равноапостольной Ольги празднуется православными церквями русской традиции 11 июля по юлианскому календарю, а католическими и другими западными церквями – 24 июля по григорианскому. Она считается покровительницей вдов и новообращенных христиан, но также и святой заступницей земли Русской.

Жанна д'Арк

Жанна-девственница

Кажется, ее жизнь подробно описана во множестве источников: изыскания Лионского собора, документы судебного процесса, многочисленные свидетельства, собранные оправдательным следствием и комиссией по бонификации. Но ни один из сохранившихся документов не дает ответа на вопрос – кем же была Жанна из Лотарингии, как ей удалось спасти Францию?

Историки справедливо отмечают: ни про кого из ее современников нам не известно так много, и в то же время ни про кого другого мы не знаем так мало. Кажется, ее жизнь подробно описана во множестве источников: изыскания Лионского собора, документы судебного процесса, многочисленные свидетельства, собранные оправдательным следствием и комиссией по бонификации. Но ни один из сохранившихся документов не дает ответа на вопрос – кем же была Жанна из Лотарингии как ей удалось спасти Францию?

В настоящее время существует множество версий рождения, жизни и гибели прославленной Орлеанской Девы. Традиционная версия гласит, что родилась она 6 января 1412 года (хотя в декрете о бонификации, подписанном папой Пием X в 1904 году, значится 1409 год). Она появилась на свет в лотарингской деревне Домреми в семье зажиточных крестьян (по другой версии – обедневших дворян) Жака д'Арк и Изабеллы Роме.

В семье, кроме Жанны, были еще трое сыновей и дочь. Кстати, фамилия д'Арк вовсе не обязательно была дворянской: в те времена она чаще обозначала просто «выходцев из Арка», а местечек с таким названием во Франции было несколько. Сама Жанна никогда не называла себя по фамилии, подписываясь как Жанна или Жанна-дева, да и написание фамилии было расплывчато: встречались варианты Дарк, Тарк, Дай и другие.

Ее детство пришлось на самый тяжелый период истории

Франции. Уже сто лет бушевала Столетняя война, наконец вошедшая в свою, казалось, решающую стадию: после того, как английский король Генрих Пятый разгромил при Азенкуре французское войско, а королева Изабелла Баварская, правившая Францией вместо своего сумасшедшего супруга Карла Шестого, подписала в Труа договор, согласно которому французская корона переходит, минуя ее сына Карла, к Генриху Пятому и его наследникам. Происхождение Карла представлялось всем весьма сомнительным: ко времени его рождения король Карл Шестой уже давно не жил со своей супругой. После подписания договора Генрих женился на дочери Изабеллы Екатерине Валуа, и когда в 1422 году скоропостижно скончался сначала Генрих, а затем и Карл Шестой, Франция официально перестала существовать: страна перешла к новорожденному английскому королю Генриху Шестому.

Дофин Карл, отстраненный от власти родной матерью, объявил себя королем Карлом Седьмым и окопался в замке городка Бурж: хотя его признали несколько крупных провинций, никакой реальной власти у Карла Седьмого не было. Между тем английские войска продвигались на юг: они старались соединиться с давно принадлежавшими им Гиенью и Аквитанией, и на их пути стоял лишь Орлеан, никак не желавший сдаваться. Карлу было нечего противопоставить англичанам: у него не было ни войска, ни денег, ни власти. Он мог лишь ждать и уповать на милость Бога.

Между тем юная Жанна росла под крылом любящих родителей работящей, доброй, тонко чувствующей и очень набожной. По ее собственному признанию, с двенадцати лет она слышала голоса святых, которые разговаривали с нею, и даже лично видела архангела Михаила, святую Екатерину и святую Маргариту. Поначалу они просто наставляли ее в вере, а затем стали призывать на подвиг во имя спасения ее страны. Она должна была снять осаду с Орлеана, короновать дофина в соборе Реймса и изгнать англичан. Родители, которым девушка рассказывала о своих видениях, поначалу не знали, что и думать: отец считал, что его дочь блажит, и что замужество излечит ее от видений, зато мать и братья поддерживали Жанну. В мае 1428 года она, в сопровождении дяди, отправилась в расположенный неподалеку город Вокулёр и обратилась к Роберу де Бодрикуру, капитану королевского отряда в Вокулёре, потребовав проводить ее к королю. Тот лишь рассмеялся: по одной из версий жития Жанны, он даже повелел отдать дерзкую девушку на поругание солдатам, но те, устыдившись ее чистоты и невинности, не тронули ее.

Разозленный отец Жанны попытался было отдать дочь замуж, но та с удивительной для того времени смелостью разорвала уже заключенную помолвку: оскорбленный жених даже вызвал ее в суд, но Жанна отстояла свою честь, доказав, что сама она никогда не желала вступать в брак.

В феврале Жанна снова приехала в Вокулёр: по легенде, она рассказала де Бодрикуру, что именно сейчас под стена-

ми Орлеана идет сражение, которое закончится поражением французов, однако город не будет сдан. Через несколько дней прибыли гонцы: именно в тот день большой отряд французов напал на английский обоз, перевозивший осаждающим продовольствие, и потерпел крупное поражение. в битве погибли полтысячи французов и шотландских наемников. Эта битва, вошедшая в историю под названием Селедочной (в обозе везли преимущественно бочки с селедкой, которые англичане превратили в импровизированные бастионы), сильно подорвала боевой дух защитников Орлеана: поговаривали даже о сдаче города, уверовав, что Бог не на стороне Франции.

Явившуюся в это время с пророчествами Жанну восприняли как настоящую божью посланницу: только такая юная, чистая дева и могла, по мнению людей, спасти страну, погрязшую в разврате и кровопролитии. Горожане даже собрали деньги и купили Жанне одежду и коня, чтобы она могла в достойном виде предстать перед королем. Даже де Бодрикур сдался: он назначил Жанне сопровождающих, среди которых были ее братья и будущие верные соратники Жан де Мец и Бертран де Пуланжи, и велел сопроводить ее в Шинон, где тогда располагался двор Карла Седьмого. Жанна в мужской одежде, которую ей одолжил Жан де Мец, возглавила свой маленький отряд. С тех пор она почти все время носила мужскую одежду, объясняя это как удобством в военных походах, так и тем простым фактом, что она была единствен-

ной девушкой среди множества мужчин. Мужское же платье, с одной стороны, поможет ей скрыть свою женственность, а с другой – защитит от посягательств, если такие вдруг случатся: в отличие от легких платьев тогдашние штаны-шоссы (больше напоминавшие чулки, крепившиеся к поясу с помощью множества крючков) было не так-то просто снять.

Через несколько дней Жанна прибыла в Шинон, где ей, по легенде, устроили первое испытание: ее проводили в зал, где стояло около трех сотен придворных, однако она безошибочно направилась прямо к королю. Жанна преклонила перед ним колени и объявила: «Благородный дофин, меня зовут Девой Жанной. Я послана к вам Богом помочь вам и вашему королевству. И объявляет вам Царь Небесный через меня, что вы будете помазаны и венчаны в Реймсе и будете наместником Царя Небесного, Который есть Король Франции» – для этого ей нужно лишь благословение короля и войско. После личного разговора Жанне удалось убедить Карла в своей высокой миссии, однако тот не спешил сразу выполнить ее просьбу: то ли король по характеру был весьма нерешителен, то ли все еще колебался, сомневаясь, была ли ее помощь от Бога или совсем наоборот. Между тем Жанна, как вспоминают, поразила королевский двор своим искусством верховой езды и мастерством в некоторых играх, принятых лишь среди аристократии. Наконец Карл распорядился, чтобы Жанну испытали: сначала высокопоставленные дамы, среди которых были теща Карла Иоланда Арагонская,

герцогиня Анжу, и его жена – Мария Анжуйская, засвидетельствовали ее девственность, а затем целый сонм богословов в Лионе испытывал Жанну в вере, в то же время собирая свидетельства о ее благонравии. Наконец они подтвердили: «принимая во внимание ее жизнь и поведение, в ней нет ничего дурного, ничего противного правой вере». Собор даже одобрил ношение ею мужской одежды: благо примеры такого поведения были нередки в житиях святых дев.

Наконец король вручил Жанне командование войсками: для нее были изготовлены белые доспехи, а из собора Сент-Катрин-де-Фьербуа ей, согласно ее видению, доставили древний меч, принадлежавший будто бы самому Карлу Великому. Войска, обретшие в лице Жанны живой символ своей будущей победы, рвались в бой: наконец Бог явил живое подтверждение тому, что они правы!

Первым делом она написала письмо английскому королю и его соратникам: «Король Англии и вы, герцог Бедфордский, ... покоритесь Царю Небесному, верните Деве, посланной сюда Богом, Царем Небесным, ключи всех славных городов, которые вы взяли и разграбили во Франции. Она здесь и пришла от Бога, чтобы вступить за королевскую кровь. Она готова немедленно заключить мир, если вы хотите признать ее правоту, уйдя из Франции и заплатив за то, что ее захватили. Если вы так не сделаете, то я – военачальник и в любом месте буду нападать на ваших людей и заставлю их убраться вон, хотят они этого или не хотят. А если они не

захотят слушаться, я прикажу всех убить; я здесь послана от Бога, Царя Небесного, душой и телом, чтобы изгнать вас из всей Франции. А если они захотят послушаться, я пощажу их. И не думайте, что выйдет как-нибудь иначе, потому что вам никак не удержать владычества над французским королевством – королевством Бога, Царя Небесного, но владеть им будет король Карл, истинный наследник; потому что такова воля Бога, Царя Небесного». И подписалась: Иисус, Мария и Жанна-Девственница.

Всего за неделю Жанна сделала то, чего королевским войскам не удавалось несколько месяцев: она освободила Орлеан с минимальными потерями, проявив при этом, по словам интересовавшегося ее жизнью Наполеона, «гений в военном деле». Даже ее опытные в военном деле соратники отмечали, что Жанна вела себя «как если бы она была капитаном, прошедшим на войне двадцать или тридцать лет». Магистрат Орлеана вписал в городскую летопись, что освобождение города является величайшим чудом христианской эпохи, и с тех пор день снятия осады – 8 мая, праздник явления архангела Михаила – посвящал памяти Девы.

С тех пор ее прозвание – Орлеанская девственница – победным кличем пронеслось по стране, воодушевляя французов на подвиги во имя независимости отечества. Историки отмечают, что в войске Жанны воскресли позабытые законы рыцарской войны: ее солдаты постоянно молились, не воевали в церковные праздники, не грабили, не насиловали

и даже – единственный случай – не возили с собой протистов. По многочисленным свидетельствам, сама Жанна не пролила ничьей крови и после битвы оплакивала всех павших, не разбирая национальности. Все это превращало ее в живую святыню: воевавшие с нею отмечали, что хотя она была весьма привлекательна – миловидное лицо, стройная фигура, густые черные волосы, прекрасный голос – ни у одного из мужчин не возникло по отношению к ней греховных мыслей. Многие отмечали, что она постоянно общалась со своими святыми покровителями (иногда даже во время битвы или беседы), при этом ее лицо озарял необыкновенный свет. Среди ее пророчеств часто повторялось одно: Дева утверждала, что она проживет не больше года. Но это было единственным ее пророчеством, в которое никто не хотел верить.

Через месяц Жанна выступила в новый поход: за девять дней ее армия победоносным шествием прошла вдоль Луары, освобождая занятые англичанами замки, в итоге разгромив англичан в битве при Пате. А через десять дней отправилась в поход в Реймс, где должен был короноваться Карл: город за городом открывал ворота перед армией Девы, и наконец 17 июля 1429 года Карл Седьмой короновался в Реймском соборе, традиционном месте миропомазания французских королей со времен Карла Великого. Рядом с Карлом стояла Жанна с собственной хоругвью в руках. Эту хоругвь – белое поле, усыпанное золотыми лилиями, – она заказала

еще в Вокулёре и пронесла через все битвы.

Король был счастлив: наконец его права на престол были подтверждены святым обрядом. И от радости широкой рукой раздавал милости направо и налево. Двор ликовал, а вот Жанна рвалась продолжать борьбу – но ни королю, ни придворным уже не было дела до битв. И все же ей удалось снова убедить короля в своей правоте. После долгих споров она повела войска на Париж, но атака была отбита, а сама Жанна ранена. Энтузиазм войск начал падать: любой экстаз трудно поддерживать долго, а Жанна будто предчувствовала скорый конец. Наконец в мае 1430 года – всего через год после Орлеанской победы – Жанна, пришедшая на помощь осажденному бургундцами Компьеню, попала в плен: предатели подняли мост и отрезали ей путь к отступлению.

Король ничего не сделал, чтобы выволить из плена спасительницу своего трона. Через несколько месяцев Жанну за 10 тысяч золотых ливров продали англичанам: в конце 1430 года ее перевезли в Руан, где предали церковному суду.

Обвинение возглавлял епископ Бове Пьер Кошон, давно ненавидевший Жанну. Ее обвиняли, среди прочего, в колдовстве, ложных пророчествах, ереси, пособничестве дьяволу, кошунстве, обольщении короля, ношении мужского платья, самовольном сношении с духами и неподчинении Церкви. Во время процесса Жанна сохраняла удивительную твердость духа, поразительную в столь юной девушке перед лицом столь суровых обвинителей: ее ответы были столь пря-

мы, остроумны и глубоки, что могли бы посрамить любого ученого богослова. Однако суд был заведомо уверен в ее виновности и даже пошел на прямой подлог, чтобы получить признательные показания. Однажды Жанну привели на место казни и дали подписать документ, согласно которому она принимает власть Церкви – в таком случае ее должны были перевести из военной тюрьмы, где девушку содержали под постоянным надзором солдат, в церковную темницу, где за ней присматривали бы женщины.

Однако неграмотной Жанне подсунули на подпись полное признание своей вины, и к тому же оставили в прежнем узилище, лишь выдав женское платье вместо мужского, что было на ней. Однако Жанна либо отказалась переодеться на глазах у стражи, либо предпочла отказаться от женского наряда, дабы не провоцировать их похоть – и через несколько дней судьи зафиксировали, что Жанна упорствует в своей ереси. Согласно тогдашнему праву, в этом случае еретик не мог рассчитывать на прощение Церкви: 30 мая – ровно через год после пленения – на площади Старого рынка в Руане был оглашен окончательный приговор Жанне: она объявлялась вероотступницей и еретичкой, отлучалась от Церкви и предавалась светскому суду. В тот же день ее сожгли на костре. По преданию, вечером того же дня палач, проводивший казнь, на исповеди поведал священнику, что сердце Девы не сгорело: это было явным признаком ее святости. Останки Жанны были выброшены в реку – чтобы ничьи ру-

ки больше не осквернили ее.

Уже через четыре года Франция возобновила войну, и к 1453 году англичане были изгнаны с французской земли. Карл наконец вспомнил о Жанне: был проведен еще один судебный процесс, полностью очистивший ее имя от всех обвинений, а ее саму признавший «возлюбленной дочерью Церкви и Франции». Семья Жанны получила дворянство, герб – на синем поле лук и три стрелы – и фамилию де Лис, а также щедрое подарки и должности. Уже в XX веке Жанна д'Арк была канонизирована: указ об этом огласил 9 мая 1920 г. папа Бенедикт XV.

Пепел Жанны еще не успел остыть, как ее образ начал обрастать немислимыми легендами. Утверждали, что она не погибла на костре: вместо нее сожгли похожую на нее преступницу, а сама Жанна спаслась. Появилось несколько лже-Жанн, самой известной была Жанна дез Армуаз, которую признали даже братья Девы. Появились многочисленные легенды и о ее происхождении – многие до сих пор имеют своих сторонников. Согласно одной из версий, Жанна на самом деле была дочерью Изабеллы Баварской и брата ее мужа, герцога Людовика Орлеанского: в пользу этой теории говорит и необъяснимая легкость, с которой Жанне удалось пробиться к королю, и те познания в благородных науках, которые она показывала, и почет, который оказывали ей особы королевской крови – вполне понятный, будь Жана и правда дочерью королевы, хоть и незаконнорожденной, но совер-

шенно невозможный, если она была лишь дочерью крестьянина. Исследователи отмечают, что Жанну называли Орлеанской девой еще до того, как она взяла Орлеан (в таком случае это не почетное прозвище, а отсылка к титулу ее отца), и что простая девушка вряд ли бы удостоилась чести пройти проверку на девственность у двух королев. Противники этой версии отмечают лишь то, что она предполагает тотальное лжесвидетельство всех выступавших на трех процессах, включая саму Жанну, – во что никто не желает верить.

От нее не осталось ни прижизненных изображений, ни мощей, ни документов. Но кем бы ни была на самом деле Орлеанская дева, ее подвиг и ее имя останутся в веках.

Елизавета Тюдор

Добрая королева Бесс

Королева Елизавета стала символом национального величия – ведь именно при ней Англия сместила с ведущих позиций в мировой политике прежнего лидера Испанию... Сильная и прозорливая правительница, великая королева Елизавета Тюдор стала, пожалуй, одним из главных мифов английской историографии.

Королев в истории было много, но Елизавета Великая была одна. Правительница, не пожелавшая разделить бремя власти ни с одним мужчиной. Королева, принявшая страну, разоренную войнами и мятежами, и оставившая Англию

сильнейшей мировой державой. Женщина, которой судьбой было отказано в любви, но которая, тем не менее, стала любима и благословляема миллионами...

В последнее время исследователи склонны считать, что образ королевы Елизаветы – Доброй королевы Бесс, Королевы-девственницы, Хранительницы Англии – был намеренно искажен поколениями английских историков, вылепивших из нее образ совершенной правительницы и идеал всех монарших добродетелей, дабы усовестить ее наследников – королей из династии Стюартов, правителей весьма слабых, предпочитавших думать не о благе страны, а о собственных удовольствиях.

Позднее королева Елизавета стала символом национального величия – ведь именно при ней Англия сместила с ведущих позиций в мировой политике прежнего лидера Испанию, при ней произошел небывалый расцвет искусства и литературы: недаром Уильяма Шекспира, Кристофера Марло, Бена Джонсона и других называют «елизаветинцами». Лишенная недостатков, сильная и прозорливая правительница, великая королева Елизавета Тюдор стала, пожалуй, одним из главных мифов английской историографии. И в то же время существует другой миф, развиваемый в первую очередь в литературе: Елизавета предстает вовсе не той «железной леди», которой ее рисуют историографы, а скорее женщиной, со всеми свойственными ее полу – по мнению писателей – проблемами и слабостями. Она то предстает жестокой за-

вистницей, отправившей свою родственницу, королеву Марию Стюарт, на плаху только потому, что та была красивее и моложе, то изображается легкомысленной кокеткой, коллекционирующей разбитые мужские сердца, сделавшей флирт единственным способом общения с собственными придворными. Одни описывают ее страсть к нарядам, другие вспоминают про связь престарелой королевы и молодого красавца Эссекса.

Бесспорно, ее жизнь, полная самых драматических событий, неожиданных поворотов, неожиданных несчастий и непредсказуемых взлетов, не могла не привлечь к себе внимания историков, писателей и поэтов. Однако не стоит забывать, что на самом деле все было гораздо проще и в то же время гораздо сложнее, чем могут описать гениальные романы или подробнейшие научные монографии.

Принцесса Елизавета, дочь английского короля Генриха Восьмого и его второй жены Анны Болейн, родилась седьмого сентября 1533 года в королевском дворце в Гринвиче. Однако ее рождение, вопреки ожиданиям, не вызвало бурной радости родителей: король хотел сына, и появление на свет еще одной дочери вместо долгожданного наследника его совершенно не обрадовало. В свое время он развелся со своей первой женой, Екатериной Арагонской, дочерью испанского короля и сестрой императора Священной Римской империи, из-за того, что она не дала королю наследников мужского пола – родившийся в 1522 году единственный сын Генрих

не прожил и двух месяцев, и из всех многочисленных беременностей королевы в живых остался лишь один ребенок – дочь Мария. Получить развод даже для короля оказалось непросто: для этого Генриху пришлось порвать с католической церковью, основав англиканство, главой которого был он сам. В конце концов брак с Екатериной был аннулирован: Екатерина на момент свадьбы с Генрихом была вдовой его старшего брата Артура, и хотя папа римский выдал официальное разрешение на брак, английский король все же – спустя двадцать лет – решил, что он не имел права жениться на столь близкой родственнице. Принцесса Мария автоматически стала незаконнорожденной.

В январе 1533 года Генрих втайне женился на своей давней возлюбленной Анне Болейн, которая на тот момент была беременна. По одной из легенд, придворный астролог предсказал Генриху, что первый ребенок от Анны станет великим правителем. Увы, к жестокому разочарованию короля, на свет появилась дочь – Елизавета, получившая свое имя в честь матери Генриха. Астролога приказали казнить; больше у Анны детей не было.

Невероятно разочарованный таким поворотом судьбы Генрих охладел к Анне, которую прежде страстно любил. Он стал заглядываться на ее фрейлину Джейн Сеймур, которая была полной противоположностью Анне: королева была страстной брюнеткой, любящей развлечения и наряды, ревливой и капризной, а Джейн – неизменно доброжелатель-

ной, тихой, спокойной, скромной и белокурой. Когда Елизавете было три года, после весьма предвзятого судебного следствия Анна Болейн была казнена по обвинению в государственной измене. Ее брак с королем был аннулирован, и Елизавета – как и ее сестра – тоже оказалась незаконнорожденной.

На ее положение это мало повлияло: она по-прежнему жила в отведенном для нее дворце Хэтфилд-хаус в компании немногочисленных слуг. Хотя она и не имела официального статуса принцессы, ее образованием занимались лучшие учителя, приглашенные из Кембриджа: английская принцесса, хоть и не признанная официально, все же была завидным товаром на европейском брачном рынке, и ей полагалось достойное образование. С детства Елизавета проявляла большие способности и еще большее усердие в изучении различных наук. К десяти годам она прекрасно говорила на французском, итальянском, греческом и латыни, знала философию, историю и литературу. Книги оставались ее верными спутниками на протяжении всей жизни. Кроме этого, принцесса прекрасно умела танцевать, музицировать, ездить верхом и рукодельничать.

Между тем в королевском дворце происходила одна драма за другой. Джейн Сеймур, ставшая третьей женой Генриха, родила ему долгожданного сына, названного Эдуардом, но сама скончалась через несколько дней. После ее смерти Генрих женился еще трижды: сначала на Анне Клевской, с кото-

рой развелся через несколько месяцев, а затем на кухне Анны Болейн Кэтрин Говард, которая поделила судьбу своей родственницы – она была казнена за измену. Историки считают, что казнь Кэтрин – молодой, жизнерадостной, доброй и очень красивой женщины – стала настоящим ударом для юной Елизаветы, успевшей привязаться к молодой мачехе.

Последней супругой Генриха стала в 1543 году Катерина Парр, успевшая к этому времени уже дважды овдоветь. Рассказывали, что она была влюблена в лорда-адмирала Томаса Сеймура – брата Джейн Сеймур, получившего благодаря родству весьма неплохое положение при дворе. Однако когда король стал проявлять недвусмысленный интерес к Катерине, она не посмела ему отказать. Леди Екатерина стала прекрасной супругой для Генриха, заботливой, нежной, понимающей, и любящей мачехой для всех троих королевских детей: она настояла на том, чтобы принцесс принимали при дворе, и сама заботилась об их воспитании и образовании.

Король Генрих Восьмой скончался 28 января 1547 года. Согласно его завещанию, дочери были признаны наследницами престола вслед за своим братом Эдуардом, отныне королем Эдуардом Шестым. Таким образом, они были официально признаны отцом. Через несколько месяцев Катерина Парр вышла замуж за Томаса Сеймура и переехала в его поместье в Челси. Вместе с любимой мачехой поселилась и Елизавета.

Многие историки пишут, что Сеймур, авантюрист и че-

столюбец, имел виды на юную принцессу: одни считают, что Елизавета была влюблена в него, другие полагают, что он, наоборот, домогался ее, да так грубо, что у девушки навсегда остался ужас перед сексуальными отношениями. Недаром она и в письмах к мачехе, и в беседах с другом детства Робертом Дадли еще тогда утверждала, что не собирается ни выходить замуж, ни иметь детей. Но даже если Сеймур был и ни при чем, причин для такого решения у Елизаветы было предостаточно: ее мать и мачеха вышли замуж – и были казнены, еще одна мачеха умерла при родах. От родов скончалась и Катерина Парр – все это совершенно не вселяло в Елизавету надежду на счастливую жизнь под супружеским кровом.

Всего через несколько месяцев после смерти жены Томас Сеймур был арестован по обвинению в подготовке государственного переворота и вскоре казнен. В частности, ему инкриминировали намерение жениться на Елизавете и свергнуть с престола Эдуарда. На Елизавету, которая уже давно не жила в доме Сеймура, тоже пало подозрение в причастности, но она смогла доказать свою невиновность.

В 1551 году юный король Эдуард пригласил Елизавету ко двору: брат и сестра всегда с любовью относились друг к другу, и она была рада составить ему компанию, хотя и тосковала по вольной жизни вдали от двора с его интригами. Однако царствование Эдуарда было недолгим: в июле 1553 года он скончался от туберкулеза.

Интригами его родственников Сеймуров на престол была обманным путем возведена леди Джейн Грей – правнучка короля Генриха Седьмого. Но скоро англичане воспротивились столь явному нарушению закона: леди Джейн, оставшаяся в истории как «королева на девять дней», была низложена, и на английский престол, при полной поддержке народа, взошла Мария Тюдор. Елизавета была рядом с сестрой. Ярая католичка, Мария Первая стала железной рукой уничтожать любые побеги протестантизма, в том числе притесняя и сторонников основанной ее отцом англиканской церкви. Репрессии и казни еретиков были столь многочисленны, что в историю Мария вошла с прозвищем Кровавая. Постепенно в стране росло недовольство ее религиозной политикой, а когда стало известно, что Мария собирается выйти замуж за испанского инфанта Филиппа, ревностного католика, от былой любви народа не осталось и следа. Елизавета, воспитанная в протестантском духе и верная англиканской церкви, естественно рассматривалась как единственная надежда на восстановление протестантского учения.

Поначалу отношения между сестрами были вполне равными; однако Елизавета не хотела переходить в католицизм, как на том настаивала Мария. Это можно понять: по мнению католической церкви, брак Генриха с ее матерью был незаконным, и следовательно, Елизавета была незаконнорожденной. Юная принцесса старалась, как могла, ладить со своей венценосной сестрой – однако той слишком многие говори-

ли, что Елизавета очень опасна. Мария долго не верила: Елизавета казалась ей легкомысленной, не способной вмещаться в большую политику. Но разгоревшееся в начале 1554 года антипапистское восстание под предводительством Томаса Уайатта настолько напугало Марию, что она повелела заключить Елизавету в Тауэр. Несколько недель принцесса провела там, гадая о своей дальнейшей судьбе. Там же, в Тауэре, находился тогда и Роберт Дадли, друг детства Елизаветы: некоторые считают, что молодые люди виделись во время нечастых прогулок, и общая судьба стала началом их любви.

После недолгого разбирательства Томаса Уайатта казнили: перед смертью он поклялся, что Елизавета ничего не знала о заговоре. Хотя многие придворные настаивали на том, что Елизавету следует оставить в Тауэре, ее все же освободили: скоро предстояло бракосочетание Марии с Филиппом Испанским, будущим королем Испании, и королева перед этим событием решила проявить великодушие. Однако Елизавете не было дозволено остаться при дворе: ее сослали в Вудсток под строгий надзор и лишь через год разрешили вернуться в столь любимый ею Хэтфилд.

В апреле 1555 года Елизавету снова призвали ко двору: Мария была на последнем сроке беременности, и присутствие ее сестры было необходимо: если Мария умрет при родах, Елизавета унаследует престол. Однако беременность оказалась ложной: с тех пор положение Елизаветы стало относительно устойчивым – на ее праве наследования наста-

ивал даже Филипп Испанский. Рассказывают, что он весьма благоволил к свояченице: девушка была молода, красива, обаятельна и здорова, в то время как Мария, на одиннадцать лет старше Филиппа, не отличалась ни красотой, ни здоровьем. Филипп строил планы замужества Елизаветы, а едва овдовев, и сам предложил ей руку и сердце.

Мария скончалась 17 ноября 1558 года. Хронисты сообщают, что Елизавета, узнав о смерти сестры, сказала: «Так решил Господь. Чудны дела его в наших глазах».

Елизавета стала королевой в двадцать пять лет – впрочем, выглядела она гораздо моложе: в то время как многие ее сверстницы, изнуренные постоянными беременностями, преждевременно старели, незамужняя Елизавета, чьими любимыми развлечениями были танцы и охота, заметно выделялась свежестью и здоровьем. Она короновалась 15 января 1559 года в Вестминстерском аббатстве – собор окружали восторженные толпы, видевшие в Елизавете спасительницу страны.

Елизавета наградила всех, кто был рядом с нею в последние годы: в частности, Роберт Дадли получил место конюшего, а Томас Пэрри, много лет заведовавший казной Елизаветы, стал казначеем двора. Государственным секретарем Елизавета назначила Уильяма Сесила, который начинал свою карьеру еще при Эдуарде: выбор был на удивление удачен: Сесил, обладавший бесспорным талантом дипломата и государственного деятеля, верой и правдой служил королеве до са-

мой своей смерти – почти сорок лет. Именно его мудрости, прозорливости и преданности обязана Елизавета многими своими достижениями.

Страна досталась Елизавете в плачевном состоянии: казна пуста, религиозные распри разъедали Англию изнутри, а постоянные войны – снаружи. При Марии Англия стала почти придатком Испании, и теперь надо было не только наладить разрушенную экономику страны, но и укрепить престиж Англии на мировой арене. Время показало, что со всем этим Елизавета – с помощью своих советников – блестяще справилась.

Первым делом молодая королева решила религиозную проблему: она не стала преследовать или как-то ограничивать права католиков, но, тем не менее, снова ввела англиканство как государственную религию. Историки до сих пор спорят, насколько искренней и глубокой была вера Елизаветы, однако все сходится на том, что она была весьма прагматичной даже в вопросах веры.

С первых дней царствования самым главным вопросом было замужество королевы: парламент даже официально просил ее как можно скорее избрать себе супруга, дабы обеспечить наследника. В разное время руки Елизаветы домогались Филипп Испанский и эрцгерцог Карл Габсбург, шведский кронпринц Эрик, герцог Анжуйский и даже русский царь Иван Грозный. Хотя Елизавета не раз говорила, что не собирается выходить замуж, она, тем не менее, не давала сва-

тавшимися монархам решительного отказа: ее своеобразный флирт с ними был немаловажной частью внешней политики Англии.

Однако придворные поговаривали, что истинной причиной переборчивости Елизаветы был тот факт, что она была уже давно влюблена – в того самого Роберта Дадли, который делил с нею заключение в Тауэре: отец Роберта, герцог Нортумберленд, был главой заговора, приведшего на трон Джейн Грей, бывшую замужем за братом Роберта – Гилфордом Дадли. Гилфорд и его отец были казнены, однако стараниями Филиппа Испанского братья Гилфорда были освобождены – вместо Тауэра они оказались на войне с Францией. Позже Дадли, молодой красавец и щеголь, лишь на несколько месяцев старше Елизаветы, был одним из тех, кто скрашивал одиночество принцессы в Хэтфилд-хаусе, а теперь, когда она стала королевой, он получил не только место конюшего, но и орден Подвязки и должность смотрителя королевской резиденции в Виндзоре, не считая множества роскошных подарков.

Елизавета так любила проводить время с Дадли, что совершенно забывала об осторожности: она сажала его рядом с собой, разговаривала, ездила вдвоем на прогулки, в беседах с другими неизменно превозносила его достоинства. По Лондону поползли слухи, что Дадли нередко проводит ночи в королевской опочивальне и что королева даже родила от него сына – однако сама Елизавета была искренне удивле-

на подобными сплетнями: она круглые сутки была окружена фрейлинами и может дать клятву, что у нее никогда не было с Дадли ничего предосудительного. Королеве приходилось беречь свою честь: любое пятно на ее репутации могло поставить под удар и ее будущее как королевы, и всю страну.

Между тем слухи продолжали множиться: утверждали, что Дадли собирается жениться на королеве, и его не остановит даже тот факт, что у него уже была жена: несколько лет назад Дадли женился – по всей видимости, по страстной любви – на юной Эми Робсарт, и хотя Эми никогда так и не была представлена ко двору, скрывать факт своей женитьбы Роберт не мог.

Однако 8 сентября 1560 года Эми Робсарт нашли мертвой: она лежала у подножия лестницы со сломанной шеей. Немедленно стали говорить о том, что Дадли убил свою жену, чтобы иметь возможность вступить в брак с королевой. Елизавета немедленно отдала его от себя и повелела тщательно расследовать обстоятельства гибели Эми Робсарт: хотя расследование показало, что смерть Эми произошла в результате несчастного случая – Эми была давно больна (современные исследователи говорят о раке), и в частности страдала головокружениями и хрупкостью костей, – это не остановило сплетников, обвиняющих Дадли в гибели жены. Из-за этой трагической истории королева отдала от себя бывшего фаворита и даже отказалась подписывать грамоту на вроде бы обещанный ему титул графа. Однако через

два года, когда Елизавета заболела оспой, она назвала Роберта Дадли в качестве лорда-протектора королевства, хотя по статусу эта должность должна была достаться другому. Титул графа Лестера Дадли получил лишь в 1564 году; фаворитом Елизаветы он оставался еще почти три десятка лет.

Перенесенная оспа лишь слегка испортила кожу на лице Елизаветы, прежде безупречно гладкую и белую. Но хотя оспины пришлось прятать под толстым слоем грима, льстецы продолжали наперебой уверять королеву в том, что она прекраснейшая из женщин, а придворные джентльмены поголовно были демонстративно влюблены в свою королеву.

Говорят, Елизавета умело этим пользовалась: чтобы сэкономить деньги, которых всегда не хватало, она с удовольствием перекладывала часть расходов на своих приближенных, которые из любезности оплачивали ее платья, украшения и лошадей. Вместе со своим двором Елизавета много путешествовала, и не только потому, что любила ездить по стране, – останавливаясь в жилищах состоятельных вельмож, она сильно экономила на расходах.

Елизавета, женщина молодая и слишком много испытавшая, любила развлечения: балы, охоту, разнообразные игры – карты, шахматы, бильярд, театр и музыку. Много времени королева уделяла верховой езде, прогулкам и чтению. Хотя может показаться, что блеск ее двора должен был стоить огромных денег, на деле она тратила намного меньше, чем ее предшественники и наследники: с одной стороны, она

была вынуждена экономить — казна была пуста, зато долги огромны, а с другой — прагматизм и бережливость всегда были в ее характере. Даже роскошные платья, в которых она предстает на своих портретах, нередко переделывались, экономя таким образом немалые деньги.

Несмотря на постоянный флирт, замуж Елизавета так и не вышла. Почему — на этот вопрос историки до сих пор не могут дать однозначного ответа. Одни считают, что она не хотела делить власть с посторонним человеком — ведь если она выйдет замуж, главой семьи и государства станет ее супруг. Другие полагают, что Елизавета имела какой-то анатомический изъян, не позволявший ей стать достойной женой: либо она знала о своем бесплодии, либо вообще по каким-то причинам не могла вступить в интимные отношения — возможно, в этом были виноваты и психическая травма, нанесенная Томасом Сеймуром, и обстоятельства ее детства. Кроме того, Елизавете было категорически невыгодно иметь наследника: пока она остается единственной претенденткой на престол, она может не опасаться возможных переворотов, но стоит ей обзавестись ребенком или хотя бы супругом — и никто не мог дать гарантии, что кто-нибудь не захочет сменить монарха.

Со временем при английском дворе развился настоящий культ королевы-девственницы: Елизавету сравнивали с Девой Марией и языческими богинями, поэты воспевали ее в образах Глорианы и Королевы фэй, портреты королевы на-

полнялись символами ее девственности: она изображалась, например, с решетом, или лилией. Даже столь любимый Елизаветой жемчуг, который она носила в изобилии, тоже ведь был символом чистоты и непорочности. Известно, что Елизавета в ответ на уговоры выйти замуж говорила, что с нее будет довольно, если на ее могиле напишут, что она «жила и умерла девственницей». А одному из придворных она сказала, что «лучше быть незамужней нищенкой, чем замужней королевой».

Наиболее вероятной наследницей английской короны была небезызвестная Мария Стюарт, шотландская королева: она была внучкой Маргариты Тюдор, старшей сестры Генриха Восьмого, и хотя линия Стюартов не была упомянута в завещании Генриха Восьмого, фактически была не последней в очереди наследников. К тому же ее права – как истинной католички, представительницы католического рода, – поддерживал Рим. Корону Шотландии она унаследовала, когда ей было всего несколько дней от роду, и страной от ее имени управляла королева-мать Мария де Гиз. Еще в раннем детстве Марию предполагалось выдать замуж за английского принца Эдуарда, однако в возрасте пяти лет она была просватана за Франциска, сына французского короля, и с тех пор воспитывалась при французском дворе. Советники убеждали ее в том, что именно у нее наиболее веское право на английскую корону, – Мария даже включила английский герб в свой личный и титуловалась как королева француз-

ская, шотландская, английская и ирландская.

После внезапной смерти ее супруга, тогда короля Франциска Второго, она вернулась в Шотландию. На руку овдовевшей королевы немедленно нашлось множество претендентов – сама Елизавета предлагала ей в мужа Роберта Дадли, получившего графский титул именно по этому поводу. Однако Мария вышла за молодого, смазливового и весьма недалекого Генри Дарнли, ставшего отцом ее сына – будущего короля Якова. Однако супруги не ладили; всего через полгода Дарнли погиб при загадочных обстоятельствах, и Мария считалась одной из вероятнейших его убийц – особенно учитывая тот факт, что уже через три месяца она вышла замуж за лорда Ботвелла. Все эти события вызвали восстание в стране, в результате которого 24 июля 1567 года Мария Стюарт отреклась от престола в пользу своего сына. Она сбежала в Англию, где попросила убежища у Елизаветы.

Елизавета не была готова ни восстанавливать Марию на престоле, ни оказывать ей какую-либо помощь: Мария по-прежнему считала именно себя законной королевой Англии. Так что у Елизаветы было достаточно причин не любить Марию, помимо простой женской ревности, о которой так любят говорить писатели. По совету лорда Сесила, Марию поселили в замке Карлейл (откуда ее позднее перевели в Шеффилд, где она провела почти восемнадцать лет), давали весьма щедрое содержание, но не допускали ко двору, да и вообще никуда не выпускали.

Между тем появление Марии в Англии спровоцировало целую серию католических заговоров. Поначалу Елизавета не верила в причастность к ним Марии – или не хотела верить – но в конце концов (не без участия провокаторов) были получены неопровержимые доказательства того, что Мария замышляла убить Елизавету. Хотя английской королеве категорически не хотелось подписывать смертный приговор Марии – это было бы слишком зловещим прецедентом, – ей все же пришлось. Восьмого февраля 1587 года Мария была казнена.

Эта казнь обострила отношения Англии с Испанией, и без того весьма натянутые. Елизавета много сделала для развития английского флота: именно при ней Англия стала великой морской державой. Но раньше моря всецело принадлежали Испании – испанские корабли регулярно курсировали в Новый свет и обратно, привозя в Испанию тонны золота и других ценных грузов. Английские пираты – знаменитые братья Хоукинсы, прославленный Френсис Дрейк и другие – регулярно грабили испанские корабли: Елизавета не только знала об этом, но и имела с этого неплохой доход. Официально «пиратских войн» словно и не существовало, однако на самом деле они изрядно трепали нервы испанской короне. Постепенно Англия завоевывала авторитет на море и даже утверждалась в Новом Свете, ранее безраздельно принадлежавшем Испании: в 1587 году была основана первая английская колония, получившая в честь Елизаветы имя

Вирджиния – «девственная». В ответ испанцы поддерживали католические волнения в Ирландии и вынашивали планы нападения на Англию. Однако им не суждено было сбыться – как известно, подготовленная для битвы Великая армада была разбросана штормом, а ее остатки добил в Гравелинском сражении Френсис Дрейк. За это Дрейк был произведен королевой в рыцари. Говорят, Френсис Дрейк весьма заинтересовал пожилую королеву, и между ними даже началось что-то вроде романа – весьма, правда, непродолжительного. Королева оставалась верна своему Дадли – их долгой связи не помешала даже тайная женитьба Дадли в 1578 году на Летиции Ноллис, родственнице и фрейлине королевы, весьма похожей на Елизавету внешне: поначалу королева разгневалась, однако потом простила Дадли. Летиции же пришлось еще долго находиться вдали от двора, скрываясь от королевского гнева. Дадли скончался от лихорадки в сентябре 1588 года. За четыре дня до смерти он написал Елизавете письмо, справляясь о её здоровье – «самом дорогом для него». Уже после смерти Елизаветы это послание было обнаружено среди ее бумаг с ее собственноручной пометкой: «Его последнее письмо».

Стареющая королева оставалась все той же кокеткой, которой была в юности, – с поправкой на власть и возраст. Если раньше она принимала лесть, теперь она ее требовала, если раньше она соперничала с придворными красавицами – теперь во фрейлины набирали лишь некрасивых дам, и платья

им разрешалось носить только простые белые или серебристые – в то время как сама Елизавета ходила в богато раскрашенных нарядах всех цветов радуги. Ее прежняя бережливость переросла в скупость, а осторожность – в бездействие. Тем не менее королева сохраняла ясный и острый ум, работоспособность и прежние привычки.

Вместо умершего Роберта Дадли королева стала отличать его пасынка, сына Летиции Ноллис от первого брака, Роберта Девере, графа Эссекса, женатого, кстати, на вдове знаменитого поэта Филиппа Сидни. Молодой красавец – а ему было всего 23 года, когда королеве уже исполнилось 55 лет, – был представлен ко двору еще Дадли, и Елизавета почти сразу обратила на него внимание. Храбрый и в то же время весьма романтичный юноша совершал подвиги во имя своей королевы и осыпал ее изысканными комплиментами. Уже скоро она вела себя с ним так же вольно, как когда-то с любимым Дадли – однако Эссекс вовсе не был столь терпелив, как его отчим. После нескольких лет в положении королевского фаворита начал зарываться: он стал несдержан, требователен и к тому же позволял себе повышать голос на королеву. Он совершал одну ошибку за другой: сначала чуть не упустил испанский флот, против которого должен был выступить, а летом 1599 года – несмотря на огромную армию – не смог подавить восстание в Ирландии, да к тому же бросил войско без разрешения. Разгневанная Елизавета отдала любимца под суд, отлучила от двора и лишила многих при-

вилегий. Несмотря на покаянные письма, Елизавета не простила Эссекса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.